

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ

В НОМЕРЕ:

Художник и время — заметки
Д. Кугультинова

Литература и перестройка

Какой должна быть
история советской литературы:

Перечитывая Чернышевского

О. Савич. Записи разных лет

Т. С. Элиот. О классике

Н. Бухарин. Злые заметки

Жизнь Искусство Критика

ПИСАТЕЛЬ И ПЕРЕСТРОЙКА

Давид КУГУЛЬТИНОВ

ЧУВСТВО
ХОЗЯИНА ЖИЗНИ

Мне кажется, в процессе революционной перестройки нашего общества и выработки нового мышления одной из первостепенных задач является серьезный анализ тех ошибок и упущений, которые накопились у нас в сфере национальных отношений — как в общественной практике, так и в теоретическом осмыслении национальных проблем. И при культе Сталина, и в период застоя рассуждать об этом было не принято: существовали лишь достижения и победы. Между тем в этой области есть множество нерешенных вопросов. Трагические события в Алма-Ате, Сумгаите подтверждают это со всей очевидностью.

Мы должны откровенно и честно сказать, что за победными реляциями о достижениях и свершениях, за всем нам дорогими лозунгами интернационализма и нерушимой дружбы народов, за праздничными песнями и хороводами на сцене Кремлевского Дворца съездов нередко скрывалось явное неблагополучие, незамечаемые противоречия, перекосы как в экономи-

Библиотека
Кавм. АССР

ческом развитии республик, часто возникавшие в результате административно-командного давления «сверху», так и в сфере идеологии, культуры, в том числе в развитии языков и литератур народов СССР. Необходимо внимательно рассмотреть все факты, не боясь прочитать и самые трагические страницы истории страны. Ибо лишь безбоязненный анализ прошлого — не только достижений, но и ошибок — поможет нам преодолеть это прошлое на путях развернутой демократизации, прямого обсуждения назревших проблем.

Сталинизм — вот первооснова многих извращений в национальной политике. Не нужно думать, что во всем и всегда виноват был один Сталин, так сказать, изначально стопроцентный злодей. Сталин еще до революции вместе с Лениным боролся против национализма бундовцев, как и против шовинистического угара. Вспомним знаменитое письмо Ленина к Горькому (февраль 1913), где речь шла о статье Сталина «Национальный вопрос и социал-демократия»: «Насчет национализма вполне с Вами согласен, что надо этим заняться посерьезнее. У нас один чудесный грузин засел и пишет для «Просвещения» статью, собрав все австрийские и пр. материалы» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 48, стр. 162). Как знаток национального вопроса, сразу после революции Сталин был назначен наркомом по делам национальностей, и Владимир Ильич сначала полностью доверял ему, его способности объективно подходить к решению национальных проблем. Отход после смерти Ленина от принципов демократизма и ненасытная жажда единоличной власти у Сталина, утверждение его культа — эти два начала взаимодействовали, питали и поддерживали друг друга. На словах неизменно провозглашая идеи интернационализма и полного равноправия народов, на деле Сталин все дальше отходил от этих идей.

Последние ленинские записи, его завещание свидетельствуют, что Ленин прозорливо увидел неверные тенденции в сталинской постановке национальных проблем и с присущей ему прямоотой и определенностью сказал о назревающей опасности: «Я, кажется, сильно виноват перед рабочими России за то, что не вмешался достаточно энергично и достаточно резко в пресловутый вопрос об автономизации, официально называемый, кажется, вопросом о

союзе советских социалистических республик... Если дело дошло до того, что Орджоникидзе мог зарваться до применения физического насилия, о чем мне сообщил тов. Дзержинский, то можно себе представить, в какое болото мы слетели. Видимо, вся эта затея «автономизации» в корне была неверна и несвоевременна» (т. 45, стр. 356).

И далее В. И. Ленин отмечает: «Я думаю, что тут сыграли роковую роль торопливость и администраторское увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого «социал-национализма». Озлобление вообще играет в политике обычно самую худую роль» (т. 45, стр. 357).

Известно, что сталинская идея автономизации — вопреки ленинской идее добровольного союза равноправных социалистических республик — ущемляла права национальностей. Орджоникидзе тогда грубо навязывал Грузии сталинскую точку зрения и дошел до рукоприкладства. Ленин, вернувшийся к работе после тяжелой болезни, чрезвычайно остро ощущал свою личную ответственность за то, что произошло, хотя, казалось бы, в чем он был виноват? Однако тут проявилась совесть и требовательность к себе русского интеллигента.

В. И. Ленин пишет в завещании о необходимости «предпринять ряд перемен в нашем политическом строе», то есть демократизировать его. Эти заветы не были выполнены, и в дальнейшем дело дошло до физического уничтожения старых большевиков, героев революции и гражданской войны, цвета интеллигенции. Мало того, репрессиям подвергались целые народы...

И как было читать уже в наше время, время перестройки, в статье Н. Андреевой «Не могу поступаться принципами» ее рассуждения, касающиеся национальных проблем. Например, по поводу «отказников» у нее рождаются мысли о том (да еще со ссылкой на Маркса и Энгельса, якобы имевших в виду нации и народы, а не реакционные правительственные круги России, Пруссии и др.), что на определенном историческом этапе не только группы, сословия, но и «целые нации» могут быть «контрреволюционными». Да, тут рукой подать до сталинских маниакальных идей о бесчисленных «врагах народа» и «народо-врагах». А как расправляться с ними — опыт был накоплен.

С исконных своих земель без суда и следствия были выселены и по существу обречены на вымирание чеченцы, ингуши, балкарцы, калмыки, карачаевцы, крымские татары, приморские греки, болгары, курды, немцы... Космополитическая кампания и пресловутый пятый пункт анкеты приобрели зловещий смысл для евреев, закрывая им пути для нормальной жизни и работы.

И опять — по контрасту — мысль невольно возвращается к Ленину, к его заботе о создании наилучших экономических и культурных условий для развития всех народов бывшей царской России.

В своей автобиографической повести «Мудрешкин сын» видный калмыцкий писатель и общественный деятель Амур-Санан вспоминает первые пореволюционные годы, свои встречи с Лениным, рассказывает историю создания Калмыцкой Автономной Советской Республики. И что примечательно: со всей отчетливостью выступает дальновидная позиция Владимира Ильича по отношению к малочисленной тогда национальной интеллигенции, понимание ее роли в строительстве новой жизни, забота о том, чтобы знающих, образованных людей, их талант и способности направить на служение своему народу. Даже таких людей, как, например, Санджи Баянов, Номто Очиров, которые находились в стане белогвардейцев. В тот грозный 1919 год Ленин подписал «Обращение Совета Народных Комиссаров к калмыцкому трудовому народу», которое сыграло огромную революционизирующую роль в переходе калмыков на сторону Советской власти.

Вот его текст:

«Братья калмыки!

Все прошлое вашего народа — это непрерывная цепь страданий. Народ ваш, благодаря своей хозяйственной и политической отсталости, всегда был предметом эксплуатации со стороны более сильных соседей. Самодержавное царское правительство, распространившее путем кровавого захвата свою власть на многие инородные племена, наложило цепь рабства и на свободолюбивый калмыцкий народ. Завладев, самодержавие все время обращалось с вами, как с рабами. Земли, находящиеся в вашем пользовании, урезывались. Вам запрещали обучаться, печатать книги на родном языке... Многих из вас брали на воен-

ную службу, чтобы, пользуясь вашей темнотой, употреблять вас как орудие угнетения, как и вы, угнетенных народов.

Так продолжалось до тех пор, пока русский трудовой народ, рабочие и крестьяне, не свергли в пропасть ненавистное царское самодержавное правительство, а вслед за ним власть капиталистов и помещиков... Одним из первых шагов рабоче-крестьянской советской власти было опубликование «Декларации прав народов России», где всем народам было обещано равенство, право самим определять свои судьбы, отмена всяких национальных и религиозных ограничений и свободное культурное развитие.

Но враги рабоче-крестьянской советской власти, капиталисты и помещики, желая по-прежнему властвовать над рабочими и крестьянскими массами, все время не давали возможности советской власти провести в жизнь данные обещания по отношению к калмыцкому народу. Ваша земля опять была захвачена насильниками, борющимися за восстановление права капиталистов и помещиков. Им помогают заграничные — английские, французские — капиталисты, угнетающие сотни миллионов ваших соплеменников-единоверцев в Азии. Только слепой не видит, к чему стремятся эти господа. Они хотят восстановить старые порядки, при которых калмыцкий народ будет страдать так, как страдал сотни лет при царизме. Но теперь этого не будет.

Братья калмыки! В обстановке этой гражданской войны, которую озверелые генералы, капиталисты и помещики ведут с рабоче-крестьянскими массами России, часто случалось, что ваш народ подвергался различного рода насилиям со стороны отдельных агентов советской власти. Стоящий во главе рабоче-крестьянского правительства Совет народных комиссаров сим заявляет вам, братья калмыки, что он боролся, борется и будет бороться со всеми злоупотреблениями этих лиц и строго наказывает и будет наказывать насильников.

Стоящее на защите интересов трудовых масс всех народов рабоче-крестьянское Советское правительство сим заявляет вам, братья калмыки, что судьба вашего народа в ваших собственных руках. Поэтому Совет народных комиссаров постановил содействовать трудовому калмыцкому народу в созыве общекалмыцкого трудового съезда. Для организации этого съезда

Совет народных комиссаров утверждает комиссию в составе т. Чапчаева, Амур-Санана, Лавгаева, Мещерякова, Манкирова, Герценберга, с правом кооптации технически нужных членов. Для того, чтобы привлечь к делу строительства калмыцкой жизни как можно больше деятелей из среды самих калмыков, Совет народных комиссаров решил объявить амнистию многим из видных калмыцких деятелей, как то: Баянову, Очирову и другим, которые до сих пор находятся в стане белогвардейцев...

Совет народных комиссаров приложит все усилия к тому, чтобы помочь трудовому калмыцкому народу восстановить разрушенное войной хозяйство и чтобы предоставить в его пользование, по выяснении действительных потребностей и местных условий хозяйства на всекалмыцком съезде, достаточное количество земли для ведения восстановленного скотоводческого и других видов хозяйства трудового калмыцкого народа.

Братья калмыки, для того, чтобы осуществить созыв общекалмыцкого съезда, надо освободить от белогвардейских банд значительную часть ваших земель. За это освобождение борется рабоче-крестьянское правительство и его Красная Армия. Но для того, чтобы это освобождение совершилось как можно скорее и с меньшим кровопролитием, нужно, чтобы весь калмыцкий народ, как один человек, восстал против царских генералов, белогвардейцев и помог Красной Армии быстро смять Деникина.

Братья калмыки, судьба вашего народа в ваших руках. Все в ряды Красной Армии! Все против белогвардейских, казачьих банд Деникина! Все на защиту вашей советской власти!

Председатель Совета народных комиссаров
В. Ульянов (Ленин)

Москва, 22 июля, 1919 г.»¹.

«Обращение» было размножено и распространялось по всей степи, оно служило пропуском в новую, советскую жизнь. (И естественно, будучи обнаруженным белыми, несло человеку неизбежную гибель.) Номто Очиров пришел с этим «Обращением» в Астрахань и отдался в руки Советской власти, выз-

¹ Цит. по: А. М. А м у р - С а н а н, Мудрешкин сын, М., 1966, с. 156—158.

вав тем самым немалое смущение у местных деятелей — они не знали, что с ним делать. По этому поводу один из наших старых большевиков — Алексей Маслов, военный комиссар Калмыкии, послал (вместе с председателем губчека Черкасским и Амур-Сананом) телеграмму Ленину, на что тот сердито даже — как не могут понять! — ответил: немедленно освободить и использовать на советской работе.

Поражает ленинская широта и умение разглядеть главное сквозь густую пелену неясного — истину народную, его забота о народных интересах. Как прозорлив был Ленин и в данном случае! Ведь Номто Учирову, образованнейшему русскому интеллигенту, ученику В. Л. Котвича, наша культура обязана очень многим. Именно он, — это было в 1908 году, — записал у знаменитого джангарчи Овлана Эля — и для калмыков, и для мировой культуры — десять песен нашего великого эпоса «Джангар», текст, который считается ныне каноническим.

Я познакомился с Номто Учировым в 1958 году, мы с ним одновременно были возвращены в жизнь (надо сказать, что в период с 1925 по 1956 год Номто Учирова арестовывали трижды). Разговаривая с ним, я удивлялся не только его широкой образованности, но и его духовной высоте. Я вообще заметил, что люди большой культуры, даже пройдя через невыносимые испытания, словно обретают новый уровень духовности. Культура, усвоенная ими через книги, университеты, науку, становится как бы исконной, глубоко личной принадлежностью обладателя. Так правда утверждается над неправдой и правда обретает тот высокий и мудрый покой, который не позволяет человеку стать на один уровень со своими мучителями. Ибо возненавидеть их — значит опуститься до их уровня. Как сказал Мандельштам: «Потому что не волк я по крови своей И меня только равный убьет».

Говоря о Номто Учирове «русский интеллигент», я не обмолвился. Он, несомненно, был человеком, синтезировавшим в себе обе культуры — калмыцкую и русскую. Поднявшись на вершину русской культуры, с высоты Пушкина и Достоевского он мог полнее и глубже понимать и наш эпос «Джангар», и философию «Рамаяны» и «Субхашиды», которые печатно существовали в нашей литературе уже в течение трех веков, придя к калмыкам вместе с принятием буд-

дизма и подняв на новый уровень духовную культуру народа, как это было и с принятием христианства на Руси.

Вообще вопрос о принадлежности человека к тому или иному народу, нации, культуре довольно сложен и многогранен. Осталось, например, в истории имя графика Федора Калмыка. Его, четырехлетнего, подобрали казаки и подарили русской императрице, а та передала его немецкой принцессе. Воспитанный в Германии и усвоивший все ее обычаи, язык, культуру, он стал впоследствии известным художником. Чувствовал он себя немцем. Сохраняя внешние этнические черты калмыка, калмыком он уже не был.

Номто Очиров же, овладев русской культурой, не терял своего, калмыцкого, — он стал носителем двух духовных начал («дважды человеком», как сказал кто-то из великих). Освоив русский, Номто Очиров обрел духовное богатство, которое приходит с отличным знанием каждого нового языка, а это значит он обрел и ощущение русского мира. Человек ведь не помнит, какие слова родного языка он произнес впервые и что значили эти слова. Но когда он проникает в суть другого языка, уже имея известный жизненный опыт, — дело иное. Помню, как я узнал русское слово «хлеб». Вытащив горячий каравай из печи, мне отрезали и подали душистый ломоть: «На, поешь хлеба с медом». И сколько бы лет ни прошло с тех пор, когда произносят слово «хлеб», я слышу запах, вкус и ощущаю все, что связано с этим словом, вплоть до понятий мудрости и отчизны.

Слово, рождаясь, аккумулирует и цвет неба, и черты ландшафта той точки земли, где оно было выдохнуто из груди человека. И поэтому наличие множества языков на нашей планете обогащает то, что Вернадский назвал ноосферой, — сферу разума.

Я так подробно говорю о Номто Очирове потому, что мы собираемся в 1990 году праздновать 550-летие «Джангара», и не будь этого человека, его записей, вряд ли сохранился бы, дошел бы до нас этот великий памятник в драматических «перепадах» жизни калмыков, их трагической судьбе. Подумайте, сколько незаписанных гениальных творений народа исчезло бесследно, ушло в небытие с последним их знаком, может быть, гениальным!..

И тогда, и теперь я думал о Ленине — о человеке,

для которого слово и дело всегда были едины. Возвращая для привлечения «к делу строительства калмыцкой жизни» Номто Очинова (и вообще «как можно больше... самих калмыков» из стана белогвардейцев), Ленин не боялся, что тот может оказаться «агентом» и «проводником вражеской идеологии», ибо знал притягательность и силу идеала народного счастья. Он был уверен, что умный и образованный человек непременно станет на сторону этого идеала.

В. И. Ленин прекрасно понимал всю трудность вовлечения столь многочисленных и исторически неравномерно развитых в социальном и культурном отношении народов и племен в единый для всех поток социалистического строительства. Но революция давала возможность надеяться, что отставшие в своем историческом развитии народы смогут в кратчайшие сроки овладеть всеми высотами цивилизации и культуры. И для Ленина интеллигенция из среды угнетенных ранее народов имела огромное значение для воплощения идеалов революции и строительства социализма в национальных окраинах.

В 1919 году на заседании Политбюро РКП(б) была утверждена ленинская резолюция о том, что в первую очередь необходимо дать автономию бурятам и калмыкам.

...Так было при Ленине. А 28 декабря 1943 года бериевские солдаты, предводительствуемые генералом Серовым, вошли в кабинет тогдашнего председателя Совнаркома Калмыцкой АССР Налъджи Гаряева, объявив: «Заберите свои личные документы, остальное мы опечатаем — и на выезд». Налъджи Гаряев, с которым мы встретились в 1957 году, когда калмыки возвращались из ссылки, рассказал мне тогда, как, забирая свои личные бумаги, он, чувствуя, что совершается что-то совсем не ленинское, незаметно спрятал у себя ленинские декреты о землепользовании и скотоводстве, «Обращение» к братьям калмыкам, будучи уверен, что документы эти не потеряют своей силы несмотря ни на что.

Летом 1944 года, когда наша 252-я Харьковская Краснознаменная стрелковая дивизия подошла к Кишиневу, меня отозвали с фронта (я работал в дивизионной газете «Боевая красноармейская») и зачитали приказ о моем отчислении из армии, начинавшийся словами: «За принадлежность к калмыцкой нацио-

нальности...» Приказ был подписан начальником ГЛАВПУ РККА А. С. Щербаковым. Я был оглушен и раздавлен. Если бы меня обвинили в том, что я что-то украл, я мог бы утешить себя тем, что своей безукоризненной честностью я сумею доказать ложность этих наветов. Если бы меня обвинили в трусости, я мог бы надеяться, что в следующем бою проявлю храбрость и своей кровью смою позорное пятно. Но чем я мог утешить себя, что изменить, когда речь шла о моей национальности?! Когда целый народ — мой народ — был объявлен врагом, предателем, а все его существование зачеркивалось без всякой надежды на будущее?! Утешало единственно то, что немецкий расизм и фашизм, стремившийся уничтожить целые народы только за то, что они не «арийцы», — уже почти побежден (1944 год!), что бесчеловечный закон, карающий меня и мой народ, также будет сметен правой силой.

Сосланных калмыков расселяли в разные места. Другие народы жили все-таки вместе, компактно, а калмыки были разбросаны по всей Сибири — и на Алтае, и в Новосибирске, и в Забайкалье... Молотов подписал постановление правительства о спецпереселенцах, по которому без суда и следствия давали двадцать лет каторжных работ за самовольную отлучку в другую деревню, если даже там умирали родственники. Я встречал немало калмыков, отбывавших кроме ссылки еще и каторгу...

Да, Сталин на словах декларировал дружбу и братство народов. Но его глобальная политика, которая покоилась на внушении страха сначала своим политическим противникам, затем отдельным социальным группам или целому слою, — например, интеллигенции, затем крестьянству как классу, а затем и целым народам, — никак не соотносилась с тем, что он провозглашал, как «верный ученик Ленина».

Любил ли он свою родину — Грузию? Я не говорю об истреблении замечательных грузинских поэтов — Тициана Табидзе, Паоло Яшвили, арестах и расстрелах старых большевиков, преданных народу общественных и культурных деятелей. В 1949 году привезли в Дудинку на Таймыре в полном составе население двух районов южной Грузии: старики, дети, мужчины, женщины — все население. Старики и дети вымерли в тех суровых условиях почти полностью...

На поселении я много думал о судьбе своего народа, не мог не думать, писал стихи. И поплатился за это годом и восемью месяцами одиночного тюремного заключения. Вот выписка из приговора. (Привожу с сохранением грамматических и стилистических перлов сталинского суда. Не буду называть имена: в тех условиях, возможно, не все могли выдержать нажим властей.)

«Обвиняется по ст. 58 — 10 ч. 2 УК.

Материалами предварительного и судебного следствия УСТАНОВЛЕНО:

Что обвиняемый Кугультинов в 1944 году был отчислен из Красной Армии на основании постановления Советского пр-ва. После отъезда из армии Кугультинов поселился на место жительства в г. Бийск на правах поселенца. Находясь в г. Бийск, Кугультинов, являясь враждебно настроенным к существующему политическому строю в СССР, на протяжении 1944 — 45 гг. среди спецпоселенцев калмыков проводил антисоветскую агитацию в форме высказывания контрреволюционных измышлений и в стихах под его авторством.

1. Как факт в начале августа 1944 года в беседе со спецпоселенцем Д (...) возводил клевету на проводимые мероприятия Советского правительства по вопросу переселения калмыков.

2. В том же месяце 1944 года в квартире С (...), в присутствии Ж (...) клеветал на мероприятия по поводу переселения калмыков, проводимые советским правительством.

3. В ноябре 1944 года в квартире С (...) в присутствии Д (...), С (...) Кугультинов наносил клевету на одного из руководителей Советского Правительства. Подобные антисоветские провокационные измышления высказывал спецпоселенцу Ж (...).

4. 8 февраля 1945 г. в приемной горотдела НКВД г. Бийска в присутствии С (...), П (...) и Ж (...) возводил клевету на постановление советского правительства о спецпереселенцах.

5. В марте 1945 года на квартире С (...) в присутствии П (...), их жен читал написанное им стихотворение антисоветского характера, в котором клеветал на жизненные условия спецпереселенцев калмыков, на правовое положение спецпереселенцев.

6. Помимо этого Кугультиновым, в период прожи-

вания в г. Бийске, была частично написана поэма, в 7 главах этой поэмы содержание было изложено анти-советского характера которая была изъята на квартире Кугультинова.

Проверив материалы дела, суд находит, что состав преступления по ст. 58 — 10 ч. 2 УК в отношении Кугультинова вполне доказан изъятием в его квартире стихов антисоветского характера, свидетельскими показаниями С(...), П(...), Д(...).

Да, год и восемь месяцев одиночки. К счастью, я выдержал. И я благословляю и это испытание: как бы я мог смотреть в глаза своему народу, вымершему наповину в годы изгнания, после того как я наивно писал письма товарищу Сталину, уверенный, что он ничего не знает, надеясь на его помощь...

Была ли эта политика геноцида следствием войны? Тогда я так и думал — идет война. Но я ошибался — все началось раньше.

... Осенью 1958 года, когда народ мой вернулся на родину, я вместе со своими товарищами — калмыцкими писателями Лиджи Инджиевым и Бембе Джимбиновым — встретился с Мариэттой Сергеевной Шагинян. Она жила тогда на Арбате. Нам очень хотелось с ней повидаться, чтобы узнать о судьбе ее книги «Билет по истории». Эта книга была напечатана в 1938 году — сначала в журнале «Красная новь», потом вышла отдельным изданием. О ней хорошо отзывалась Н. К. Крупская, она получила несколько положительных рецензий (в газете «Известия» о ней тепло написал Дмитрий Ильич Ульянов). Больше книга не издавалась², а ведь речь шла о семье Ленина, в том числе о его бабушке по отцовской линии, которая вышла из «уважаемого в астраханском мещанстве крещеного калмыцкого рода». Шагинян долго работала над этой книгой. Она рассказала нам, что знала семью Ульяновых, рассказала и о том, как Мария Ильинична, с которой у нее были хорошие отношения, невольно навела ее на этот сюжет:

Однажды Мария Ильинична подала калмыцкий чай — с молоком, с маслом и солью — питье непривычное незнакомцу, но чрезвычайно сытное, «пища бед-

---

² Часть ее вошла в книгу М. Шагинян «Семья Ульяновых» (М., 1963).

няков», которые не имели возможности есть мясо. Я спрашиваю: — Откуда это у вас калмыцкий чай? — Как откуда? — отвечает Мария Ильинична. — Вы разве не знаете, что наша бабушка была родом калмычка! Я говорю: — Мария Ильинична, дорогая, я же пишу книгу о Владимире Ильиче, вы понимаете, как мне это важно, мне же недостаточно одного устного заявления, нужны документы. Можно ли об этом узнать поподробнее? — Конечно, можно, поезжайте в Астрахань, там сохранился бабушкин дом, остались, верно, и метрические записи.

В 1938 году, рассказывала дальше Маризтта Сергеевна, меня вызвал к себе Жданов. Он выбежал навстречу — коренастый, сердитый, с воловьими глазами: — Правда, что вы написали книгу о Ленине? — Да, — ответила я. — Правда, что вы нашли у Ленина калмыцкую и всякую там кровь? — Правда. Ведь я все брала из документов. — Кому нужна эта ваша правда? Кому она служит? — И он швырнул мне в лицо газету «Völkischer Beobachter». Жданов тогда топал ногами, кричал: — Исправляй немедленно, а то не будем печатать!

Книга Шагинян не печаталась до 1956 года, когда Президиумом ЦК КПСС было принято специальное постановление печатать ее без купюр. Однако во времена Брежнева — Суслова ее опять стали печатать с купюрами, купировались и другие произведения, в которых были ссылки на эту книгу. Сознание тех, кто считал себя интернационалистом и марксистом, кто провозглашал высокие слова дружбы и братства, долго отравляла мысль о составе крови, ее «чистоте».

Как не вспомнить здесь замечательную традицию русской культуры и мудрые слова А. И. Герцена: «Мы выше зоологической щепетильности и совершенно безразличны к вопросу о расовой чистоте, что не мешает нам быть вполне славянами. Мы очень довольны, что в наших жилах есть и финская, и монгольская кровь; это ставит нас в родственные и братские отношения с теми расами-париями, о которых гуманная демократия Европы не может говорить иначе, как тоном оскорбительного презрения...».

Почему я вспоминаю эти черные страницы нашей истории? Мы должны помнить о тяжелых испытаниях, которые порой оставляли незаживающие рубцы в душах людей или принижали, унижали эти души, вгоняя в гены страх, пассивность, рождая философию «моя

хата с краю»... Иначе наша дружба лишится фундамента правды. Я убежден: надо вскрыть все большие и малые гнойники, омрачавшие эту дружбу, очистить души людей, помочь каждому человеку осознать свое право называться этим высоким именем. Ведь до сих пор мы не сказали во весь голос о трагических последствиях гонений на целые народы, об этом лишь глухо, между прочим упоминается в наших научных трудах и солидных энциклопедиях...

А как пагубно сказались на развитии культуры каждого народа СССР широкие проработочные кампании, навешивание ярлыков, обвинения в национализме, безыдейности, в воспеании патриархальности и, конечно, в абстрактном гуманизме... Таких обвинений не избежали многие крупные писатели: М. Рыльский и В. Сосюра, Айбек и М. Ауэзов, И. Друцэ и И. Чендей, Н. Думбадзе и Г. Матевосян, П. Севак и Вас. Быков... И было это не только в годы культа личности, но и позже. А сколько тех, кто был незаконно репрессирован и погиб в тюрьмах и лагерях?!

... Но хотелось бы вспомнить здесь и страницы жизни более радостные. Нас, калмыков, как и другие сосланные народы, вернули после XX съезда партии. И так хотелось, чтобы весь мир узнал о том, что правда наконец восторжествовала, как можно больше узнал о моем народе. Приближалась дата — 350-летие добровольного вхождения Калмыкии в состав России, и был поставлен вопрос о том, чтобы отметить ее. Но Академия наук СССР дату не подтвердила, и юбилей праздновать не разрешили...

В декабре 1958 года после Первого Учредительного съезда писателей РСФСР был дан прием в Кремле. На таких приемах, как обычно, все было расписано заранее, все рассчитано по минутам, утверждено, кто подходит, кто говорит, кто задает вопросы... Но я все надеялся, что мне удастся поговорить с Н. С. Хрущевым о праздновании юбилея, — я воспринимал это как поручение мне от всего калмыцкого народа.

Я считаю Н. С. Хрущева умным и решительным человеком, выдающимся политическим деятелем, которому потомки еще поставят памятник. Да, у него были ошибки, и ошибки серьезные. Но подумаем: кто мог бы тогда сделать то, что сделал он, — смело разоблачить культ личности Сталина и тем самым повернуть на новые пути всю жизнь страны. Событие это, я убежден,

имело всемирно-историческое значение. И нам не следует уподобляться Хаму, который посмеялся над Ноем, увидев, что тот пьян, но умудрился не заметить Ковчег, который он построил.

Мы видим и ныне, что начало перестройки лежит в решениях XX съезда партии. И что греха таить, мы часто не замечаем, что в нас все еще живы рудименты прошлого, когда в каждом руководителе мы хотели бы иметь Христа, Будду или Аллаха, которые чисты, светлы и непогрешимы. И какое наступает горькое разочарование, когда замечаем в ком-то, даже достойном, черты, не соответствующие кумиру, созданному нашим воображением.

... Итак, во время приема я все время думал о своем. Наконец, улучив момент, когда Хрущев остался один, я встал и направился в его сторону. Сейчас же поднялись со своих мест Ворошилов и Микоян, в сопровождении которых я и подошел к Никите Сергеевичу.

— Хочу сказать вам огромное спасибо за то, что вы вернули наш народ. — Ну как там настроение? — оживился Хрущев.

Я стал рассказывать, как после одного писательского выступления в калмыцком колхозе, уже поздно вечером, почти ночью, я увидел старую женщину, которая истово молилась перед чьим-то изображением. Я удивился: неужели после ссылки у нее сохранились бурханы (изображение Будды)? Подошел ближе, смотрю — молится на портрет Хрущева. Я говорю: нельзя молиться на живого человека, наша религия запрещает, это не бог. А она мне: — Он вернул меня к костям моих предков. — Так это партия вернула, — говорю я. — Когда нас ссылали, партия тоже была, — возразила она в ответ.

— Да, человек так уж устроен, что он должен получить ответ на вопрос, который его волнует. Когда их ссылали, они не понимали — за что. Когда их вернули, они тоже не понимали — почему... Они решили искупить свою вину. Но какая была у них вина? Надо душу их лечить... — задумчиво сказал Хрущев.

Помня о цели своего разговора, я сказал о предстоящем юбилее. — Жаль только, праздника у нас не будет и вас не увидим на нашем празднике. — Как так? — спросил Хрущев. — Да так, Академия наук не подтвердила дату. — Ну, тогда ничего не по-

делаешь... Авторитета выше, чем Академия, в этом деле нет. — Есть, — говорю я. — Кто же? — Его императорское величество царь Николай II. Вот книжка И. Ульянова (однофамилец В. И. Ленина), где сообщается, что в 1909 году Николай II произнес благодарственную речь в ознаменование 300-летнего верного служения калмыков России. В церквях по решению Святейшего Синода тогда же отслужили по этому поводу благодарственные молебны. Хрущев расхохотался: — Раз уж Николашка праздновал, нам и сам бог велел.

Через неделю Академия подтвердила дату.

В 1959 году мы торжественно отпраздновали 350-летие добровольного вхождения Калмыкии в состав России. 300 лет калмыки защищали южные границы страны, верно неся свою сторожевую службу. Калмыкию посетил Петр I и, по преданию, самолично накинул соболью шубу на плечи хана Аюка, вспомнив эпизод Полтавской битвы, когда калмыцкая конница едва было не захватила в плен Карла XII и Мазепу.

Но кроме «милости царей» была еще и гуманистическая традиция русской классической литературы, всей русской культуры.

Здесь, конечно, я прежде всего буду говорить о Пушкине. «Друг степей калмык» известен всему миру, о калмыках вспоминает он в «Евгении Онегине», «Капитанской дочке», «Истории пугачевского бунта» и многих других своих произведениях, как бы оставив заветом последователям свое отношение к угнетенным, бедным и слабым... Защищать слабого — признак благородства духа, и мы видим, как следовали Пушкину его славные продолжатели.

Гоголь с глубоким убеждением писал о том, что Россия — это не только русский народ, но все народы, живущие в ее пределах, и надобно изучать их жизнь, обычаи, историю, верования, места, где они обитают. . . И сам стремился осуществить такую программу.

Читая лекции по истории в Патриотическом институте, затем в университете (да и на протяжении всей его жизни сохранился этот интерес), он собрал большой исторический материал, включающий сведения о народах, которые населяют Россию, — и не только о славянах. У него сохранилось шесть тетрадей разного объема, содержащих записи по географии России, где наряду со сведениями о вотяках, татарах и других на-

родностях есть и этнографический очерк о калмыках, с подробным описанием почв, земельных угодий, животного и растительного мира, социального устройства, образа жизни и быта, их религии, верований и нравов.

Вот описание животного мира, населявшего калмыцкие земли, — удивительное свидетельство бывшего изобилия черных прикаспийских степей: «Звери. Барсуки, чекалки, волки, лисицы, зайцы и тушканчики... хорьки, суслики, водяные крысы... кабаны... сайгаки, бродящие целыми стадами... Птицы. Беркуты, балабаны, ястребы, скопы, мышеловы, коршуны, белые луны, совы, филины, сычи, вороны, скворцы, журавли, фазаны, дрозды, крохали, лебеди... дикие гуси... утки, бабы, бокланы, колпики, мартышки, чайки, цапли...»

А вот что пишет Гоголь о нравах этого народа: «Нравом калмык гостеприимен и поделчив. В обращении ровен и с богатым и с бедным. Бедный может зайти в любую кибитку и подсесть к хозяйскому котлу, ему поднесут чашку на равне с другими».

«Чистота понятий о добре и зле, заключающаяся в правилах их религии, стоит глубокого внимания. Грехи следуют в таком порядке. **Приписываемые произволу:** убийство, всякое насилие, всякое телесное осквернение, грехи, происходящие от слов: злословие, празднословие, клевета и ложь, смуты и подстрекания. **Грехи душевные:** зависть, мщение, безбожие или непризнание святости закона» («Гоголевские тексты. Изданы Г. П. Георгиевским», СПб., 1910, стр. 418—419, 424, 429).

Да, русские люди — писатели, ученые — немало сделали для развития культуры калмыцкого народа, для того, чтобы познакомить с ней другие народы.

Еще один — рядовой — пример. Помню, на одном из заседаний Комиссии по литературному наследию Велимира Хлебникова покойный Борис Слуцкий передал мне две папки с надписью «Калмыки» — записи Владимира Алексеевича Хлебникова, отца поэта. Он был орнитологом, природоведом. И вот среди его рабочих материалов есть и описание игр калмыцких детей, и своего рода программа: «Что надо сделать, чтобы поднять этот народ». Надо сказать, что в поэзии Велимира Хлебникова его детские впечатления о калмыцких степях, о прикаспийских озерах со стаями лебедей откликнулись тягой к Востоку, такими образами, как «конецарствие», «Либёдия».

Наверное, каждый из нас может привести примеры глубинного интереса русских людей, русских интеллигентов к жизни других народов, их культуре, их стремления сделать все, чтобы поднять эти ранее угнетенные царизмом народы к сознательному творчеству новой жизни.

А какую огромную роль сыграл Горький в нашем взаимоузнавании, в расширении художественных горизонтов всех литератур народов СССР, в том числе и русской! 30-е годы — это был подлинный взрыв взаимного интереса друг к другу, годы большой практической, глубоко творческой работы — переводческой, издательской... Да, сейчас — сравнительно с первыми литературными писательскими бригадами, отправлявшимися тогда в республики, — масштабы иные, не несколько человек, а мощные «десанты». «Мероприятия» Союза писателей приобрели монументально-фундаментальные формы, но велика ли творческая отдача? Эта официальная заштампованность — и энтузиазм Тихонова, Луговского, Пастернака, их переводы и собственные стихи, рожденные впечатлениями от жизни других народов, их культуры, народного творчества, от радости обретения новых друзей — верных на всю жизнь...

Горький редактировал альманах «Творчество народов СССР», он предложил Семену Липкину перевести для альманаха одну главу из «Джангара» и говорил ему: «Если же вы сделаете перевод всего эпоса, вы оставите свое имя в истории культуры».

В 1940 году впервые эпос был издан на русском языке в замечательном переводе Семена Липкина. На юбилей «Джангара» в том году в Калмыкию приехали Фадеев, Новиков-Прибой, Микола Бажан, Анна Караваева, В. Фаворский, который сделал иллюстрации к эпосу.

Народ, его история, его земли... О земле сейчас особенно много думаешь, нельзя не думать: так мы ее запустили, с такой варварской безответственностью к ней относились. И поплатились за это — сейчас не уйти уже от грозных вопросов самого бытия, существования нашей планеты, если будет продолжаться это хищничество.

Когда мы говорим об экологии, мы включаем человека в состав экологической системы не как «царя природы», а как органическую ее часть. Когда эта си-

стема нарушается, когда из нее выключается целый народ, веками живущий на этой земле, составляющий с ней единое целое, — меняется и природа. И вот в Европе впервые образовалась песчаная пустыня — ее зафиксировали американские и советские космонавты. Эта пустыня ежегодно растет, ширится и отнимает ежегодно уже свыше 50 тыс. га пастбищ. Как она образовалась?

Нависла угроза над черными прикаспийскими землями, испокон веков служившими пастбищами для зимних кочевий. Тысячелетия назад здесь проходили племена гуннов, сарматов, скифов, пока наконец не осели калмыки. Интуитивно постигая законы природы, они держали здесь столько скота, чтобы его можно было прокормить, не вытаптывая пастбищ. В 1827 году, когда до Петербурга дошли первые вести об угрозе вытаптывания прикаспийских пастбищ, туда был послан сенатор Энгель, который определил незыблемые границы черных земель для очередного кочевья. После того как калмыки были сосланы, земли эти остались бесхозными, их хищнически эксплуатировали «пришельцы» из Дагестана, Ставрополя, потом вернулись сами калмыки, уже лишенные чувства хозяина, и тоже включились в это преступное соревнование, усилие над землей. И как возмездие — ядовитыми желтыми волнами стали наступать пески...

Чувство хозяина! Сколько было потрачено сил, чтобы уничтожить его! А мертвое чувство уже не может родить ничего созидательного, доброго, оно способно лишь разлагать и распылять уже накопленное, порождать пустыню души человеческой, не менее страшную, чем пустыня песков...

После того как по Центральному телевидению в «Прожекторе перестройки» показали массовый падеж скота в Калмыкии, я получил много злых писем, в которых разоблачали меня как одного из виновников, угрожали мне, намекая, что шашлыки, которые я будто бы ем ежедневно, бывают и с косточками. И, как ни странно, я чувствовал благодарность к тем, кто так нещадно ругал меня, ибо им было безразлично все это, они были возмущены безответственностью. Но я думал и о другом — о тех, кто был более виновен, чем я, стихотворец, но кто отделался «легким испугом». Я имею в виду руководство нашей республики. Я имею в виду — если называть конкретно — первого секретаря

обкома В. А. Захарова, председателя Совета Министров республики А. Ц.-М. Бадмахалгаева, которые на то и руководители, и возвышены над другими данной им властью, чтобы предвидеть неблагоприятные обстоятельства и возможные беды и предотвратить их. Но в данном случае, если В. А. Захаров был прислан из Владимирской области, не зная местных условий, то А. Ц.-М. Бадмахалгаев-то рожден в степи! Меня удивляет, почему остаются безнаказанными виновники, а если порой и бывают наказаны, то тайно, — и это во времена широко объявленной гласности!

Многими годами настойчивого и упорного истребления чувства хозяина в людях мы породили странное, когда-то презираемое чувство слуг. Помните, как было сказано у Пушкина: если сзади кто-то плюнет на мое платье, то дело моего слуги его вычистить, а не мое. И эта презренная психология слуги, вытирающего плевки и норовящего схитрить, пустить пыль в глаза, урвать побольше у хозяина, прельщала, видимо, той легкостью обретения благ, которые доставались в отсутствие хозяина. Ведь слуги часто воруют именно в отсутствие хозяина, а в данном случае, когда хозяина не было вовсе, жизнь их была чрезвычайно вольготна, они и воровали от имени хозяина, и прикрывали другого слугу, который, мол, в случае чего прикроет и меня.

Как же их много развелось сегодня, этих слуг, которые не подотчетны хозяину — народу!

Только после Пленума ЦК КПСС в апреле 1985 года мы оглянулись окрест и душа наша страданиями уязвлена стала. Мы увидели в степи железобетонные коровники, стоящие пустыми по многу лет, высоченные, насквозь продуваемые свирепыми ветрами, — так что если хочешь, чтобы заболела твоя корова, — загони ее туда на одну ночь. И за эти коровники ежемесячно платили тысячи рублей — будто бы там жили стада коров. Впрочем, и сегодня платят. Но теперь уже с грустью, ибо раньше мы платили как бы «ничейные» — народные — деньги, а теперь приходится платить свои — хозрасчетные. И если в утверждении психологии слуги наша литература сыграла немалую роль, то сейчас о возвращении психологии хозяина она обязана сказать свое слово правды, хотя говорить правду всегда сложнее, чем кривить душой. Ведь хозяин ничего не берет, а создает. Создающий же, безу-

словно, сложнее, чем берущий: он неудобнее, ибо он может сказать — «Я сам», а не «Чего изволите».

Да, перестройка, и самая решительная, нужна как воздух. Мне кажется, мы еще не понимаем значения того, что происходит вокруг нас. Развал экономики, разгул бюрократизма, командно-силовые приемы, превращение лжи в обыденное явление, которое даже не замечают, — ведь все эти недуги с ходу не вылечишь. Новое мышление необходимо выработать, укоренить в обществе, — и происходит это не без борьбы, острой и бескомпромиссной. Причем задача выработки нового мышления значительно глубже и шире по охвату своему, она не замыкается пределами нашей страны. Ибо перед грозной опасностью уничтожения всего человечества новое мышление необходимо всем.

Помню, в Италии, в одном из университетов, нашей делегации был задан вопрос: мол, чего вы хотите? Почему вы со своими обычаями и порядками, со сделанными вами многочисленными ошибками, со своими традициями, своим настоящим и прошлым приехали к нам — чтобы мы изменили вдруг свое мировоззрение по вашему образу и подобию, по вашим стандартам? Что же тут для нас притягательного?

Я ответил, что в вопросе, который поставил наш оппонент, отсутствует самое главное из того, с чем мы приехали, — будущее. Оно вне территорий и социальных систем, оно не признает границ и не считается ни с чем, кроме единственного условия для претворения в явь — сохранить существование самой жизни на Земле. В век ядерной энергии мы не можем не понимать, что существование с мышлением века механики Ньютона уже невозможно. Мы должны сохранить главное условие для претворения будущего в реальность, и тут у нас, и у вас, итальянцев, как и у всех людей, населяющих нашу планету, путь один — соответствовать уровнем нравственности уровню разбуженной человеком энергии. Любовь человека к жизни, к человеку, ненависть к войне должны быть чувством подкорковым, таким же, как отвращение к каннибализму, которое не позволило последнему сильному съесть последнего слабого и тем самым положить конец истории человечества.

Потребность в новом мышлении давно назрела, она зыгала в воздухе, кричала об этом, как и любая истина,

еще не провозглашенная, не облаченная в слово. Новое мышление было рождено не нехваткой мяса и масла и плохим качеством советской обуви, а расщепленным атомом, который уже дважды ударил в колокол: сначала в Хиросиме и Нагасаки, затем в Чернобыле. И тревожный бой этого колокола обращен не к какой-либо одной части света, а ко всей планете. И тот факт, что о новом мышлении впервые сказал М. С. Горбачев, вовсе не говорит о том, что оно является плодом воображения государственного деятеля, а говорит о том, что он именно современный государственный деятель, потому что он слышит этот голос самого времени, которое стало на порядок выше в связи с научно-техническими открытиями, но в котором господствует прежнее мышление, — и при непосредственном их соприкосновении неизбежно возникнет взрыв, как при сталкивании антиподов, взрыв, означающий смерть человечества.

Конечно же, имеет к этому отношение и недостаток мяса и масла, и плохое качество обуви, как и отсутствие совести в ком-то, и позорное поведение кого-то, но это — малая частица причин при глобальности нового мышления. Оно потребно всему человечеству, и когда мы говорили об этом итальянцам, нам показалось, что они были согласны с тем, что мы как бы размышляем с ними вместе, вслух. Этим я объясняю, что католический епископ Джузеппе Маролдини в соборе св. Петра читает с амвона прихожанам мои стихи, переведенные на итальянский. Вот они:

Везде, в любые времена
В своих приливах и отливах
Не воплощала жизнь сполна
Мечтаний даже у счастливых.

Мне ль на такую благодать
Рассчитывать?..
Скажу заране:
Мне не приходится мечтать
Об исполненье всех желаний.

Нет у меня на это прав!
И я склоняюсь пред тобою,
О жизнь, с единственной мольбою:
Казни за все, в чем я не прав,

Но близких мне и дорогих
Не позволяй судьбе обидеть,
Страданий никого из них
Не дай глазам моим увидеть!

Я человек самолюбивый, я бы не хотел, чтобы меня упрекнули в нескромности, в том, что я занимаюсь саморекламой, но рождается чувство радости от сознания того, что есть общее для всех людей на Земле — и для христиан, и мусульман, и буддистов, для капиталистов и коммунистов — понимание необходимости сохранения жизни, несмотря на кажущуюся правоту каждого, в этом нашем противоречивом и прекрасном мире.

г. Элиста

